

— Инструктор Чжун, мой сын пытался покончить с собой из-за вас. Неужели в вашем сердце не найдется места даже для мимолетного визита?

Чжун Цин стоял у навигационной панели звездолета, в последний раз проверяя оборудование перед запуском.

Перед ним замер доктор Рассел — светило научно-исследовательского института, человек, чей взгляд обычно скользил поверх чужих голов. Сейчас же этот гордец стоял перед ним в позе просителя.

Чжун Цин подавил тяжелый вздох.

Дело было не в душевной черствости и не в том, что он мог спокойно взирать на угасание чужой жизни. Просто время поджимало, а у него оставалась одна неоконченная задача.

— Доктор, флот готов к выступлению. Я не имею права самовольно покинуть пост.

— Я знаю, как важна для вас эта кампания. В случае победы вы станете единственным капитаном-омегой в Альянсе. Но мой сын был вашим учеником. Вы в ответе за его жизнь!

Старик сорвался на крик. Стоявшие в охране солдаты недовольно нахмурились; кто-то уже сделал шаг вперед, намереваясь выставить визитера за дверь. Чжун Цин жестом остановил их: в конце концов, перед ним был лишь отец, обезумевший от страха за своего ребенка.

— Я также в ответе за своих солдат, — мягко, но твердо произнес он.

Доктор Рассел горько усмехнулся:

— Вы всего лишь омега. Неужели и впрямь возомнили, будто способны повлиять на исход войны? Если бы не два ваших «выдающихся» ученика, замолвивших словечко, эти никчемности из военного ведомства никогда бы не допустили вас до капитанского мостика.

Голос Чжуна Цина стал холодным:

— Доктор, сигнал к отбытию уже прозвучал. Вам пора уходить.

Рассел вперил в него ядовитый взгляд.

— Вы еще пожалеете об этом, Чжун Цин, — прошипел он, и его голос в наступившей тишине напомнил шелест чешуи пустынной гадюки.

Незванный гость удалился, и тяжелые бронированные створки шлюза с лязгом сомкнулись.

Кресло пилота ощутимо толкнуло в спину. Звездолет, словно пуля, сорвался с причала, мгновенно пронзая атмосферу и вырываясь в безмолвное величие космоса.

— Доктор Рассел совсем распоясался, — раздался за спиной чей-то веселый голос. — Вам стоило позволить мне вышвырнуть его. Иначе как я оправдаю звание «выдающегося ученика»?

Чжун Цин не отрывался от приборов. Лишь спустя мгновение он осознал смысл сказанного и обернулся, глядя на говорившего с явным неодобрением.

— Он отец твоего соседа по комнате. Янь Цзи, тебе не следует быть столь резким.

В отличие от собранного и напряженного инструктора, Янь Цзи чувствовал себя более чем вольготно. Он развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и лишь беззаботно пожал плечами.

— Просто мне трудно понять, как альфа может пытаться убить себя из-за любви. Это выше моего разумения.

— Он альфа А-класса, а ты — S-класса. Тебе полагается проявлять милосердие к слабым.

Янь Цзи вдруг резко подался вперед. Расстояние между ними сократилось настолько, что их дыхание почти смешалось. Глаза альфы вспыхнули пугающим блеском; в его янтарных зрачках, казалось, плавилось золото. На фоне этого сияния меркли даже мириады звезд за панорамным стеклом.

— В таком случае, инструктор... Тот факт, что в этой экспедиции вы выбрали своим помощником меня, а не другого своего протеже, Андре Ланкастера, — это тоже из милосердия?

Даже такая близость, давно перешедшая границы дозволенного между учителем и учеником, не заставила Чжун Цина дрогнуть.

— Вы с Андре — единственные альфы S-класса в Альянсе. Вы оба не являетесь слабыми, а значит, в моем милосердии не нуждаетесь.

— О, теперь я понял, — в глазах Янь Цзи промелькнула нежная, почти торжествующая улыбка.
— Раз это не милосердие... значит, это предпочтение.

Чжун Цин не ответил.

Он мягко, но решительно втиснул Янь Цзи обратно в кресло и напомнил:

— Мы приближаемся к первой точке прыжка. Пристегнись.

Пространственный переход почти не оказывал влияния на альф высшего ранга. Янь Цзи даже напевал под нос какой-то легкомысленный мотив — настроение у него было превосходное.

Чжун Цин тоже чувствовал себя неплохо.

Он прожил в этом мире несколько десятилетий, но впервые по-настоящему вел боевой звездолет в глубины космоса. Трудно было не испытывать воодушевления.

Тем более что этот корабль он модифицировал собственноручно. Всего одно нажатие кнопки активирует систему самоликвидации, мощности которой хватит, чтобы превратить даже альфу S-класса в звездную пыль.

Янь Цзи был прав: инструктор действительно всегда выделял его среди прочих. Выделял настолько, что приложил все силы, лишь бы найти способ его убить.

На самом деле Чжун Цина перевели в Отдел глубоко влюблённых мужских персонажей второго плана временно.

В нескольких мирах этого подразделения произошел раскол «несущих столпов». Неопытные сотрудники не справились, и отдел понес серьезные потери. Как раз в это время Чжун Цин, совершивший прорыв пространства и времени, прибыл в Бюро перемещения по книгам, и его тут же мобилизовали на проблемный участок.

Каждому миру нужен лишь один «столп» — один главный герой. Раскол означал, что протагонистов внезапно стало двое, что критически расшатывало стабильность реальности.

Решение, предложенное Бюро, было по-военному лаконичным: устранить любого из двоих.

Целый мир держится на главном герое. Убить того, кто защищен самой судьбой и «нимбом протагониста», — задача почти невыполнимая. Столкнувшись с таким вызовом в первом же задании, Чжун Цин почувствовал азарт.

Декорациями этого мира стала эпоха межзвездных странствий. Чжун Цину досталась роль отпрыска захудалого аристократического рода омег. Оба же главных героя происходили из могущественных кланов альф. Между ними лежала пропасть, и, если бы не случай, они бы не встретились до конца своих дней.

К счастью, Чжун Цин в прошлом был мастером, постигшим законы мироздания. И хотя путь физического совершенствования не был его основным, он кое-что смыслил в закалке плоти. Чжун Цин заставил свое от природы хрупкое тело омеги работать на пределе, проложив себе путь в Военную академию Альянса и став там первым студентом своего пола.

В день его зачисления академия гудела, как растревоженный улей.

Омеги ликовали — Чжун Цин оправдал их надежды. Долгое время их считали лишь ценным ресурсом для продолжения рода, неспособным к борьбе. Появление омеги-солдата стало для них глотком свежего воздуха; в тот же день Чжун Цина окрестили «Светом Омег».

Альфы же радовались по-своему: в их суровом мужском монастыре наконец-то появилось прекрасное лицо, на котором можно было остановить взгляд. Пусть даже касаться этого сокровища строго запрещалось.

Семь лет Чжун Цин прилежно грыз гранит военной науки. Винтовка и штурвал стали продолжением его рук, а в рукопашной схватке он не уступал ни одному сокурснику-альфе. После блестящего окончания учебы он остался в академии в должности ассистента инструктора.

И на второй год службы он наконец встретил их — двух главных героев.

Поскольку они были частями одного расколотого столпа, их тянуло друг к другу с невероятной силой. Обычно это проявлялось в узах родства или нерушимой дружбы.

Этот мир не стал исключением. Несмотря на принадлежность к разным кланам, Янь Цзи и Андре считались лучшими друзьями во всем Альянсе — побратимами, готовыми прикрыть друг другу спину в любой мясорубке.

Чжун Цин, честно говоря, не понимал, как они уживаются.

Янь Цзи всегда лучился оптимизмом и жизнелюбием, в то время как Андре словно высекли из куска льда. Когда инструктор только начал с ними контактировать, Янь Цзи уже через несколько дней увивался вокруг него, не умолкая ни на минуту. Андре же всегда держался в стороне, сохраняя дистанцию.

Первое правило ассасина — сблизиться с жертвой. Чжун Цин закономерно выбрал роль «преданного друга» для Янь Цзи, окружая его особой заботой в годы учебы, пока тот окончательно не доверился ему.

«К чему такие сложности? — внезапно подала голос Система. — В оригинальном сюжете у тебя была возможность выйти замуж за члена семьи Янь. Если бы ты послушал меня, Янь Цзи давно бы испустил дух прямо в твоей постели».

Чжун Цин на мгновение лишился дара речи.

Система объявила ему бойкот еще в тот день, когда он переступил порог академии, и с тех пор не проронила ни слова. И вот теперь — такое эффектное возвращение... Хотя Чжун Цин прекрасно понимал, что она имела в виду лишь эффективность метода.

«Янь Цзи — альфа S-класса, — мысленно возразил он. — Его реакция за пределами возможностей омеги. Даже если бы я спрятал нож под подушку, он бы перехватил мою руку в ту же секунду, как я шевельнулся. А если бы мне и повезло его ранить, такой монстр не содохнет, даже если будет истекать кровью три дня подряд».

Чжун Цин на собственной шкуре почувствовал, насколько неможна раса омег в этом мире.

Раскол столпов влиял и на распределение ролей для сотрудников Бюро. Предыдущие агенты проваливались именно потому, что их персонажи вечно оказывались ущербными — то без руки, то без ноги, что сильно мешало делу.

Чжун Цин же получил «целое» тело и поначалу принял это за бонус для новичка. Лишь позже Система просветила его:

[Быть омегой — это и есть величайший изъян]

«Поэтому взрывчатка надежнее, — отрезал Чжун Цин. — И вообще, ради какого-то вводного мира я не собираюсь жертвовать своей невинностью».

Система издала звук, подозрительно похожий на сдавленный рвотный позыв.

Лицо Чжун Цина потемнело, и он привычным жестом отправил Систему в бан.

Спустя полмесяца непрерывной канонады последний вражеский солдат рухнул на истерзанную землю.

На поле боя воцарилась тишина.

Это была блестящая победа. Впереди ждали триумфальное возвращение, горы цветов и бесконечные славословия. Выжившие солдаты, осознавая это, один за другим оборачивались к тому, кто привел их к успеху.

В центре флотилии замер ничем не примечательный звездолет. Защитные пластины

разошлись, и в проеме панорамного окна показалось лицо, чей облик выделялся даже среди самых прекрасных представителей рода омег.

Чжун Цин одарил солдат едва заметной улыбкой. В ту же секунду над эскадрой пронесся оглушительный рев восторга, многократно отражаясь от металлической обшивки кораблей.

Янь Цзи не разделял общего безумия. Он стоял в тени, не отрывая взгляда от своего инструктора.

Из-за запредельных нагрузок в кабине стояла невыносимая жара. Чжун Цин, как и многие подчиненные, скинул форменный китель; рукава его рубашки были небрежно закатаны до локтей.

Влажная от пота ткань облепила тело, подчеркивая тонкую линию талии, скрывающуюся под армейским ремнем.

Дым сражения рассеивался, и лучи заходящего солнца золотили медали на груди омеги. В этом свете его лицо казалось ликом святого: тени от длинных ресниц и прямого носа ложились на кожу изящными штрихами, а темные волосы отливали бронзой. Несмотря на смертельную усталость, взгляд его черных глаз оставался безмятежным.

Он стоял посреди крови и руин, словно живой памятник новой эпохе, возвещающий о гибели старых призраков и рождении иного порядка.

Янь Цзи резко нажал на рычаг, закрывая обзорные щиты и отсекая восторженные крики толпы.

Он шагнул вперед и крепко прижал Чжун Цина к себе.

Несмотря на все тренировки, Чжун Цин в объятиях альфы казался хрупким и изящным.

— Инструктор, мы победили.

Голос, прозвучавший над самым ухом, был низким и хриплым, будто Янь Цзи из последних сил сдерживал рвущееся наружу пламя.

Чжун Цин тоже подавлял ликование, но совсем иного рода. Одной рукой он обнял Янь Цзи за спину, имитируя поддержку, а пальцы другой незаметно скользнули к скрытой кнопке на пульте управления.

У каждого «преданного друга» в этом сценарии был шанс на однократный ООС — момент, когда он мог нанести смертельный удар протагонисту.

«Прощай», — мысленно произнес Чжун Цин и нажал на спуск.

Сенсор начал считывать отпечаток, запуская обратный отсчет до детонации.

Но прежде чем таймер обнулится, тишину кабины разрезал пронзительный свист пули, вспарывающей воздух.

Чжун Цин не шелохнулся.

Для завершения протокола палец должен был оставаться на датчике. Но Янь Цзи среагировал мгновенно: мощным рывком он сшиб инструктора с ног. Пуля, предназначавшаяся сердцу, вошла в левое плечо; разрывная пуля детонировала внутри, превращая ткани в месиво и впрыскивая ядовитую пыль в кровоток.

Все произошло в доли секунды. Теряя сознание от невыносимой боли, Чжун Цин успел лишь мазнуть взглядом по консоли — автоматическая блокировка запечатала триггер, и шкала прогресса на экране бесследно растаяла.

От ярости и бессилия у него перехватило дыхание, и мир окончательно погрузился во тьму.

<http://bllate.org/book/16114/1580414>